

Сергей Темчин

RUTHENICA BOHEMICA: НОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ О ПЕРЕВОДАХ ЧЕШСКИХ
ОРИГИНАЛОВ НА РУСЬКУ МОВУ

Julia Verkholtantsev, *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*, (*Slavische Sprachgeschichte*, Bd. 3), Wien–Berlin: Lit Verlag, 2008, 215 p. ISBN 978-3-7000-0851-4 (Österreich); ISBN 978-3-8258-0465-7 (Deutschland).

Рецензируемое издание содержит существенно переработанную версию докторской диссертации, выполненной Юлией Верхоланцевой под руководством Вячеслава Всеволодовича Иванова и защищенной в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (США) в 2004 году. Работа состоит из двух различных, но взаимосвязанных частей: а) филологического исследования русскоязычных текстов, переведенных с чешских оригиналов в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве; б) лингвистического описания этих памятников и общетеоретического осмысления природы представленной в них языковой системы. Сразу отмечу, что под чешскими оригиналами автор понимает как произведения, написанные на чешском языке, так, видимо, и созданные и/или бытовавшие в Чехии церковнославянские глаголические тексты, обычно содержавшие по крайней мере отдельные элементы живой чешской речи.

Книга состоит из предисловия (с. VII–VIII), введения (с. 1–17), семи глав (с. 18–147), заключения (с. 148–152), пяти приложений

(с. 154–190), библиографии (с. 191–205) и указателей (с. 206–215). Первая из семи основных глав монографии, выполняющая функцию дополнительного (специализированного) введения, в общих чертах представляет чешский компонент языковой истории Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Польши; следующие четыре главы посвящены филологическому исследованию четырех руськомовных произведений, переведенных с чешских оригиналов; шестая глава описывает язык рассмотренных переводов, а заключительная (седьмая) глава содержит теоретическое осмысление предшествующего лингвистического описания.

В предисловии кратко изложена суть публикуемой монографии, разъяснено ее отношение к диссертации, защищенной четырьмя годами ранее, охарактеризованы внесенные в нее с тех пор изменения, изложены применяемые в работе принципы написания личных и местных имен, высказана благодарность работникам библиотек и архивов, в которых автору довелось работать с рукописными источниками по данной теме, а также специалистам, предоставившим свои консультации на разных этапах настоящего исследования.

Хорошо структурированное введение, озаглавленное *Lingua Ruthena in Polonia Usitata* (с. 1–17), содержит определение объекта исследования и его хронологических рамок (условно 1385–1697 гг.), общую характеристику руськомовных переводов, описание соответствующего историко-культурного контекста и актуальной в то время языковой ситуации, краткий очерк состояния православной культуры и образования в ВКЛ и, наконец, представление вводимого автором нового понятия *письменного контакта* (*literacy contact*), занимающего промежуточное положение между уже устоявшимися понятиями *языкового контакта* и *текстового контакта* (с. 10–11). Поскольку многие руськомовные тексты появились в результате переводческой

деятельности, Ю. Верхоланцева предлагает рассматривать саму руську мову как продукт особого – письменного – контакта. Эта мысль обосновывается в седьмой главе монографии (с. 128–147).

Описывая территорию зарождения русской мовы, Ю. Верхоланцева дает современные географические ориентиры: Литва, Украина, Белоруссия и восточные районы Польши (с. 2), не уточняя при этом, что во время зарождения данного письменного языка все упомянутые территории (а также не указанные ею западные районы современной России – смоленско-брянско-курские земли) находились в составе единого государства – Великого княжества Литовского, где руська мова на протяжении нескольких веков использовалась в качестве официального языка. Отметим также, что широкое распространение этой языковой традиции в Польском государстве произошло благодаря состоявшемуся в 1569 году (в соответствии с Люблинской унией) переходу обширных территорий ВКЛ в Польское королевство, где ранее руська мова использовалась лишь в Русском воеводстве (Галиция, Холмская земля, Червоная Русь). Кроме того, до XVIII века руська мова была основным языком светской письменности Молдавского и Валашского княжеств, что, вероятно, было обусловлено как временным признанием ими польского сюзеренитета в конце XIV века, так и их церковными связями с Галицкой и Киевской митрополиями, и дополнительно облегчалось широким распространением на молдавско-валашских землях церковнославянского в качестве языка православного богослужения.

Особого внимания заслуживает справедливое замечание Ю. Верхоланцевой о том, что переводы на руську мову появляются уже в XV веке, т.е. значительно раньше, чем принято считать (с. 16). Верхняя же хронологическая граница функционирования русской мовы условно соотносится ею с санкционированным Варшавским сеймом 1697 года запретом на употребление этого языка в качестве административного (с. 2, прим. 4). В этой

связи следует добавить, что данный запрет не распространялся на религиозную книжность, где русьская мова употреблялась еще и в первой четверти XVIII века, когда было опубликовано (параллельно с польским вариантом) последнее издание конфессионального русьскомовного текста (*Собрание припадков краткое*, Супрасль, 1722)¹, а униатский писатель Бенедикт Сенкевич (1686–1720)² создал переводной богословский трактат на русьской мове *Сакрамент пакуты* (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 41–720, f. 308–342)³.

В качестве примеров употребления русьской мовы в политически и идеологически программных для ВКЛ произведениях Ю. Верхоланцева упоминает (с. 6 и прим. 20): Летописец великих князей литовских (около 1398 г.), Похвалу Витовту (около 1428 г.) и Хронику Великого княжества Литовского и Жемойтского (1565–1573 гг.). В действительности же исходная версия Похвалы Витовту, изложенная в послесловии к смоленскому списку 1428 года Постнических слов Исаака Сирина, написана не на русьской мове, а на церковнославянском языке (с еле заметными русьскомовными вкраплениями)⁴.

Во введении изредка встречаются и другие мелкие неточности и логические несоответствия: так, Супрасльский монастырь был

¹ Аркадзь Жураўскі, „Апошняя старабеларуская друкаваная кніга“, in: Lilia Citko, Bazyli Siegień (eds.), *Gwary i onomastyka pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego*: Tom prac ofiarowany Prof. Michałowi Kondratiukowi z okazji 45-lecia pracy naukowej, Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006, p. 391–402.

² Надежда Афанасьевна Морозова, „Неизвестный униатский писатель Бенедикт Сенкевич“ (в печати).

³ Надежда Афанасьевна Морозова, *Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008, p. 117.

⁴ См. новейшую публикацию данного послесловия: Мария Георгиевна Гальченко, „Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. (из архива М.Г. Гальченко)“, in: *Palaeoslavica*, t. 11, Cambridge (MA), 2003, p. 122–123.

первоначально основан не в Заблудове, как указано в монографии (с. 6), а в Городке (Gródek); руська мова объявляется продуктом письменной деятельности (с. 9), что не мешает автору говорить об употреблении устно-разговорной руськой мовы на письме (the use of the Ruthenian vernacular in writing, с. 12).

Первая глава *Чешский компонент лингвистической истории Великого княжества Литовского и Польши* (Czech in the Linguistic History of the Grand Duchy of Lithuania and Poland, с. 18–38) посвящена двум взаимосвязанным темам: чешскому влиянию на кириллическую письменность литовско-польских земель и хорватско-чешской глаголической традиции как одному из каналов этого влияния.

Ю. Верхоланцева стремится показать необоснованность бытующего мнения о том, что чешский язык оказывал влияние на руську мову исключительно при польском посредстве, демонстрируя прямое чешское влияние на руську письменность Великого княжества Литовского на конкретных примерах: а) непосредственных контактов чехов и восточных славян ВКЛ (с опорой на исследования А.В. Флоровского); б) чешского влияния на административную разновидность руськой мовы; в) распространения чешских библейских книг среди восточнославянского населения ВКЛ.

Чешское влияние на административную разновидность руськой мовы иллюстрируется двумя письмами на чешском языке, адресованными великим литовским князем Свидригайло чешским гуситам в 1431 году, а также чешским компонентом руськомовной версии Вислицкого статута 1347 года Казимира Великого, выполненной для холмского кастеляна Ивана (Ваньки) Кирдеевича. От себя добавим, что последний занимал должность в 1434–1470 годах⁵, а языковые бегемизмы характерны не для

⁵ Иосиф Иосифович Первольф, *Славяне, их взаимные отношения и связи*, т. 3: Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII века, д. 2: Славяне западные и восточные в их взаимных

руськомовного перевода Вислицкого статута, сохранившегося в одном сборнике с Супрасльской летописью (список 1519 г.), а для выписанной рядом с ним небольшой, но снабженной пространным предисловием подборки статей *польского церковного права*, которая собственно и была переведена на руську мову неизвестным чехом для Ивана Кирдеевича⁶.

В связи с вопросом о распространении чешских библейских книг среди восточных славян ВКЛ автор уделяет специальное внимание кириллическому списку третьей четверти XVI века Книг библейских пророков (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 19–47), который открывается надписью *прѣслоуїє їсаїна пррѣчества с' счєскої библіи написано*. Не имея возможности работать с рукописью *de visu*, Ю. Верхоланцева отметила, что по крайней мере некоторые части этого кодекса могут содержать переводы, выполненные при помощи Чешской Библии, но тут же (с. 27, прим. 40) высказала априорную догадку о том, что здесь написание *с' счєскої* может быть искажением первоначального чтения *їрєческої*.

Это предположение излишне, поскольку еще П.В. Владимирова определил, что данная рукопись в некоторой степени отражает первоначальный (рукописный) скорининский перевод на руську мову чешской Венецианской Библии 1506 года, но содержит также список скорининских Предисловия и надписаний глав из пражского издания Книги пророка Даниила (1519 г.)⁷.

сношениях, Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1893, р. 92, прим. 1; ср.: Наталя Миколаївна Яковенко, *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття: Волинь і Центральна Україна*, видання друге, переглянуте і виправлене, Київ: Критика, 2008, р. 141.

⁶ О богемизмах этой части рукописи см.: Adam Wandas, „Uwagi o języku tekstów prawnych z rękopisu supraskiego“, *Czasopismo Prawno-Historyczne*, t. 17, s. 1, 1965, р. 103–105.

⁷ Петр Владимирович Владимиров, *Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1888, р. 223–234; ср.: Сергей Юрьевич Темчин, „Виленский список со скорининского издания Книги пророка Даниила“ (в печати).

Кроме того, неверна почерпнутая из старого печатного описания⁸ информация о том, что рукопись содержит Книги пророков с толкованиями. В действительности выписанный здесь текст Книг библейских пророков восходит в своей основе к традиционному церковнославянскому переводу пророческих книг с толкованиями, но сами толкования устранены; от них остались лишь небольшие фрагменты – после гл. 12 Книги пророка Исайи (л. 174 об.) и после окончания Книги пророка Иезекииля (л. 311 об.–312)⁹.

Далее в первой главе подробно излагается взгляд на хорватско-чешскую глаголическую традицию как на один из каналов чешского влияния на кириллическую письменность литовско-польских земель: описана деятельность пражского бенедиктинского Эммаусского монастыря (действовал в 1347–1419 гг., позже перенят гуситами), где развивалась перенесенная из Хорватии глаголическая письменность на церковнославянском языке чешского извода и, в меньшей степени, на чешском языке, а также двух филиалов этого пражского монастыря – в силезском городе Олесница (действовал в 1380–1505 гг.) и в краковском предместье Клепаж (действовал в 1390–1528 гг.). В последнем церковнославянское католическое богослужение практиковалось до 1470–1480-х годов, а сам монастырь имел какие-то контакты с восточнославянским населением ВКЛ и Польши, что засвидетельствовано рядом кириллических текстов, переведенных как с чешского, так и с церковнославянского языка хорватского извода.

Следующие четыре главы посвящены отдельным переводам, выполненным с чешских оригиналов и представленным в двух

⁸ Флавиан Николаевич Добрянский, *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских*, Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1882, р. 58–60.

⁹ На первый фрагмент толкований уже указывалось в литературе, см.: Петр Владимирович Владимиров, *op. cit.*, р. 229, прим. 3.

рукописях: это библейская Песнь песней в составе сборника XV–XVII веков, где она располагается в части, датируемой последней четвертью XV века (Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собрание, № 558), а также три произведения из уже не существующего сборника, содержавшего список литовских летописей и принадлежавшего некогда К. Свидзинскому (Варшава, Библиотека Красинских, № 408 (у Ю. Верхованцевой – № 82)); рукопись, более известная славистам как *Летопись Красинского*, погибла вместе с библиотекой во время Второй мировой войны) – *Книга о Таудале-рыцаре, Сказание о Сивилле-пророчице* и библейская Книга Товита.

Вторая глава *Руськомовный перевод Песни песней* (The Ruthenian *Song of Songs*, с. 39–51) излагает результаты изучения данного перевода, отражающего третью редакцию Чешской Библии (создана, вероятно, в 1410–1420-х гг.). Просмотрев около дюжины списков данной редакции, Ю. Верхованцева подтвердила высказанное ранее А.А. Алексеевым мнение о том, что чешский оригинал руськомовного перевода был близок Падержовской Библии 1432–1435 годов.

В монографии специально отмечено наличие в руськой версии текста особого переводческого приема, когда транспонированное кириллицей чешское слово дополнительно сопровождается руськомовным эквивалентом, что приводит к лексическим дублетам. Однако из четырех приводимых здесь примеров (с. 41), лишь два могут быть признаны дублетами (ниже они подчеркнуты): Песн 2.8 а́ перескакиваючи погорки. и холмы; Песн 8.8 въ днь коли ж то маеть быти намовлена а́любо словлена. Остальные примеры должны интерпретироваться иначе. Так, второе слово в Песн 2.11 превалъ лютости ѿшѣ, отсутствующее в библейском тексте и не являющееся синонимичным первому, вряд ли было добавлено переводчиком на руську мову, поскольку имеет аналогию в более позднем скорининском переводе с чешского

(дождь велии минул¹⁰). Песн 3.9 прѣтъ вѣчерадло ѡучинилъ собѣ также содержит отнюдь не синонимические лексемы, причем добавленное первое слово восходит, видимо, к толкованию св. Григория на данный библейский стих (выступающей здесь в форме носило створи себе...): многообразнѣ бѣ въ достоиннѣхъ его авлається: овогда бѡудеть мѣсто, овогда же прѣстолю, овогда домъ, овогда же носило, ба бо въ себе носл¹¹. Таким образом, собранного в монографии материала недостаточно для утверждения о том, что переводчик чешского оригинала на руську мову регулярно использовал в своей работе прием лексических дублетов.

Выявленные Ю. Верхованцевой следы небрежной переписки более раннего кириллического оригинала позволили датировать сам перевод второй четвертью или серединой XV века, т. е. несколько более ранним временем по сравнению с сохранившимся списком, а случаи ошибочного перевода привели к выводу о том, что переводчик был, видимо, православным восточным славянином, который, однако, не стремился придать своему переводу церковнославянский характер (с. 42–43, 50). Если это действительно так, то цитируемая в монографии глосса к Песн 6.9 (у Ю. Верхованцевой ошибочно Песн 6.10, ср. с. 47 и 166–167), имеющая лишь слегка видоизмененный чешский морфологический и фонетический облик прѣтеи дѣци марии разоумнѣи ‘interpret as the Most Holy Virgin Mary’ (иначе ожидалось бы *прѣтою дѣцоу марию разоумѣи), следует считать принадлежащей не восточнославянскому писцу или позднему читателю, как это делает автор монографии, а тому чешскому оригиналу, откуда она была перенесена в руський перевод.

¹⁰ Сяргей Вільянавіч Кузьмін (рэд.), *Біблія: Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах*, т. 3, Мінск: „Беларуская энцыклапедыя“ імя Петруся Броўкі, 1991, р. 428.

¹¹ Анатолий Алексеевич Алексеев, *Песнь песней в древней славяно-русской письменности*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002, р. 91.

При культурно-исторической интерпретации руськомовной версии Песни песней, переведенной с чешского оригинала и связанной, вероятно, с деятельностью чешско-польских бенедиктинцев-глаголяшей, Ю. Верхоланцева большое внимание уделяет соседнему тексту той же рукописи, содержащему кириллическую запись латинских молитв и отрывка чина мессы. Последнему она посвятила свои новейшие публикации¹², но ни в них, ни в рецензируемой монографии не учтены работы Л. Мошиньского по той же теме¹³.

Третья глава *Руськомовная Книга о Таудале-рыцаре и церковно-славянская Повесть полезная, сказанная Фаудалом-воином* (The Ruthenian Book of Taudal the Knight and the Church Slavonic Edifying Story Told by Faudal the Warrior, с. 52–70) посвящена переводу, содержавшемуся в сборнике XVI века из варшавской Библиотеки Красинских и тоже предположительно связанному с деятельностью чешско-польских бенедиктинцев-глаголяшей. В описании структуры погибшей рукописи Ю. Верхоланцевой не указано одно произведение – *Стязание, бывшее въкратце в Иерусалиме при Софронии архиепископе*, которое было помещено внутрь иного текста, озаглавленного *Пророчения святых пророк о Христе Иисусе*¹⁴.

¹² Юлия Верхоланцева, „Чешские и хорватские глаголяши-бенедиктинцы среди православных Литвы и Польши и латинские тексты, записанные кириллицей“, in: Sergejus Temčinas et al. (red.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009 (*Bibliotheca Archivi Lithuani*, t. 7), p. 81–95; eadem, „Кириллическая запись латинских молитв и отрывка чина мессы из рукописи Синадального собрания ГИМ № 558“, in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2010, № 2 (40), p. 74–90.

¹³ Leszek Moszyński, „Czyżby mszałik Królowej Zofii, żony Jagiełły?“, *Acta Universitatis Nicolai Copernici, Nauki Humanistyczno-Społeczne, Filologia Polska XVI*, s. 100, Toruń, 1979, p. 27–32; idem, „Cerkiewnoślowińska tzw. Moskiewska Msza Maryjna jako odzwierciedlenie litewsko-białorusko-polskich kontaktów kulturowych w XV wieku“, in: *Slavistica Vilnensis 1995 (Kalbotyra, t. 45 (2))*, Vilnius, 1997, p. 8–25 (перепечатано в: Zenon Leszczyński (ed.), *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej: Zagadnienia języka religijnego, (Lingua Sacra, t. 1)*, Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1998, p. 21–35).

¹⁴ См.: *Полное собрание русских летописей*, т. 35: *Летописи белорусско-литовские*, Москва: Наука, 1980, p. 11.

Руськомовная Книга о Таудале обнаруживает следы чешского языкового влияния, однако чешская версия данного произведения неизвестна. В такой ситуации Ю. Верхоланцева вполне справедливо обращает внимание на соответствующий хорватско-глаголический текст, содержащийся в Петрисовом сборнике XV века (следовало бы указать точнее – 1468 г.), иные тексты которого отражают чешские оригиналы либо несут на себе следы чешского языкового влияния. Хотя хорватская версия данного произведения свободна от чешских особенностей, тем не менее она, находясь в сборнике указанного типа, может служить косвенным аргументом в пользу существования в прошлом чешской версии того же текста.

Приводимые в монографии примеры лексических дублетов как особого переводческого приема, якобы использованного при создании этого руськомовного текста (с. 56), в действительности едва ли являются таковыми, поскольку имеют прямые аналогии в оригинальных произведениях: **ветръ велми силно великий** (Книга о Таудале), ср.: *Александро слышавъ словеса си и велми силно разгоряся сердцемъ, и приде на него у мале дружине...* (Супрасльская летопись, под 1240 г.)¹⁵; **оувращахъ ихъ въ шгонь и шпать** [читай: **и шпать** – С.Т.] **заса въ мочкы** (Книга о Таудале), ср.: *...и ж бы ему было прыхати чисто и опят за ся* [читай: *зася* – С.Т.] *отехати...* (Летопись Рачинского)¹⁶.

Особое внимание в данной главе уделено церковнославянской версии того же произведения, озаглавленной *Повесть полезная, сказанная Фаудалом-воином* и сохранившейся в списке 1495–1505 годов (Варшава, Национальная библиотека, VOZ 92). Согласно Ю. Верхоланцевой, данный текст является переработкой руськомовного перевода, известного по более позднему списку. Путем взаимного сопоставления латинской, хорватской, руськомовной

¹⁵ *Ibid.*, p. 43.

¹⁶ *Ibid.*, p. 156.

и церковнославянской версий (и их текстового конвоя) автор блестяще демонстрирует текстовую зависимость церковнославянской версии от русской (с. 60–64), тем самым аргументированно отклоняя высказанное ранее мнение об их независимом происхождении. Этот вывод позволил отнести возникновение рускомовного перевода ко времени ранее рубежа XV/XVI веков (которым датируется зависимая от него церковнославянская версия) и даже ранее 1492 года, когда заинтересованность в такого рода текстах была особенно велика в связи с ожидавшимся в то время концом света (см. с. 67 и схему на с. 70).

Ввиду частых утверждений о слабом владении церковнославянским языком православным населением ВКЛ важным является замечание Ю. Верхоланцевой о том, что перевод рассмотренного в данной главе произведения с русской мовы на церковнославянский язык свидетельствует об активном владении восточнославянскими книжниками ВКЛ церковнославянским и, следовательно, о сознательном употреблении на письме русского и церковнославянского языков (с. 68–69).

Однако для такого заключения необходимо продемонстрировать, что перевод с русской мовы на церковнославянский выполнен в ВКЛ, а не в Московском государстве, где подобные переводы были обычным делом¹⁷. Ю. Верхоланцева не уверена в локализации перевода (см. вопросительный знак в соответствующем месте схемы на с. 70), поскольку смогла указать лишь на общевосточнославянские черты правописания рассматриваемой церковнославянской версии (с. 60, прим. 27). При этом один из трех указанных признаков – употребление ч вместо щ, иллюст-

¹⁷ Ср.: Алексей Алексеевич Гиппиус, „Русское «некнижное» житие Николая Чудотворца в языковой ситуации Литовской и Московской Руси XV–XVII вв.“, in: Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, Julia Verkholantsev (eds.), *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005 (University of California, Los Angeles. UCLA Slavic Studies, New Series, t. 4), p. 68–83.

рируемое примером **что** – сомнителен ввиду непоказательности данного примера: восточнославянское написание **что** отражает падение еров в более архаичной форме **чѣто** и, следовательно, никак не связано с возможными фонетическими значениями буквы **щ**. Таким образом, место создания церковнославянской переделки более раннего руськомовного перевода с чешского остается невыясненным.

В третьей главе *Руськомовное Сказание о Сивилле-пророчице* (The Ruthenian Tale of *Sivilla the Prophetess*, с. 71–85) рассматривается иной текст того же погибшего сборника из Библиотеки Красинских, предположительно переведенный с неизвестного чешского оригинала, послужившего также источником двух сохранившихся чешских версий (с. 72, 75). Сравнение всех этих славянских текстов с немецкими оригиналами, которые, вероятно, послужили источником для чешского перевода, позволило Ю. Верхоланцевой проследить изменения в датировках описываемых событий, которые в данном произведении представлены в виде пророчества о будущем, и датировать на этом основании руськомовный перевод 1461–1492 годами (с. 78, 84–85).

Интерпретация по крайней мере одного из трех приведенных примеров лексических дублетов данного текста сомнительна: цитируемое Ю. Верхоланцевой написание **ѿ кнѣса и дѣховънѣ** (с. 80; в публикации текста на с. 186, строки 133–134 тот же фрагмент выглядит точнее: **ѿ кнѣса и и дѣховънѣ**), которым переводится чеш. *od kněží* ‘*досл.* от священнослужителей’, должно интерпретироваться, видимо, как **ѿ кнѣсаи и дѣховънѣ**, где форма Род. п. мн. ч. **ѿ кнѣсаи** содержит гиперкорректное написание, возникшее в результате стремления писца избежать отражения на письме фонетического перехода «умялотируванного» *a* → *e* после палатальных (постдентальных) согласных, описанного Ю. Верхоланцевой на с. 93–94. При этом использование юса малого для обозначения [e] в **кнѣсаи** вполне соответствует подобному же употреблению юса

большого для обозначения [u] в следующей словоформе *дѣхѹвѣнѣи*. Предлагаемая интерпретация позволяет избежать ничем не мотивированного грамматического несоответствия между чешским множественным числом *od kněží* и единственным числом *ŭ kňsa*, постулируя множественное число в обоих случаях.

Рассмотрев выявленные в тексте переводческие приемы, Ю. Верхоланцева специально отметила наличие в нем следов языковой церковнославянизации, которые, впрочем, могли быть вторично привнесены в первоначальный руськомовный перевод. Читателю будет интересен очерк о возможной связи между чешским оригиналом руського перевода и фреской пражского Эммаусского монастыря, датируемой 1358–1362 годами (с. 82–84).

Несмотря на свою краткость, пятая глава *Руськомовная Книга Товита* (*The Ruthenian Book of Tovit*, с. 86–89) значительно корректирует результаты предыдущих исследований перевода этой ветхозаветной книги, содержавшегося в том же погибшем сборнике из Библиотеки Красинских. Ю. Верхоланцева продемонстрировала зависимость руськомовной версии от второй (а не третьей, как считалось ранее) редакции Чешской Библии и датировала на этом основании перевод временем не позже второй половины XV века, не исключив, однако, и более раннего его происхождения.

Шестая глава *Ruthenica Bohemica: языковые особенности руськомовных переводов с чешского* (*Ruthenica Bohemica: Linguistic Features in Ruthenian Translations from Czech*, с. 90–127) содержит лингвистический анализ трех текстов из четырех, рассмотренных в предыдущих главах. В теоретическом описании наиболее характерных особенностей руськой мовы (с. 91–98) неоднократно постулируется наличие относительного местоимения *ишто* (с. 96–98, 112, 114), неизвестного лексикографическим источникам¹⁸.

¹⁸ См.: Лукія Лукіянівна Гумецька (ред.), *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. 1, Київ: Наукова думка, 1977, р. 455; Аркадзь Іосіфавіч Жураўскі, Аляксандр Мікалаевіч Булыка (рэд.), *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*,

Далее в особых подразделах описываются языковые особенности трех руськомовных переводов с чешского, при этом особое внимание уделяется богемизмам. Однако о заимствовании из чешского говорится далеко не во всех случаях, так что часто читателю приходится гадать, действительно ли автор монографии считает то или иное языковое явление переводного руськомовного текста заимствованием-богемизмом. Кроме того, не всегда ясно, какие именно значения цитируемых слов имеются в виду в том или ином случае. Отдавая должное объемной лингвистической работе, проделанной Ю. Верховланцевой, ниже приведу свои замечания.

Песнь песней (с. 99–109). В исследовании допущены единичные ошибки интерпретации: форма **оудномъ** не является, вопреки автору монографии, примером использования буквы **оу** вместо **вѣ** в предлогах и приставках (с. 101); написание **ѣе** лишь однажды (в рубрике к Песн 8.14) является формой Вин. п., тогда как во всех остальных указанных случаях это – Род. п. (с. 104). Некоторые из выявленных лексических богемизмов перевода (с. 108–109) в действительности таковыми не являются, поскольку:

а) имеют прямые аналогии в языке древнерусской письменности раннего периода: **израдити** (СДЯ, т. 4, с. 93)¹⁹, **навртити са** (СДЯ, т. 5, с. 131–132), **оуломъкъ** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1198);

leid. 14, Мінск: Навука і тэхніка, 1996, р. 210; Євген Костянтинівич Тимченко, *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.*, кн. 1, Київ–Нью-Йорк: ВПЦ Ліпопис-XX, 2002, р. 353; Дмитро Григорович Гринчишин (ред.), *Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.*, leid. 13, Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича Національної Академії Наук України, 2006, р. 235.

¹⁹ Здесь и далее используются следующие сокращенные обозначения лексикографических источников: Срезневский – Измаил Иванович Срезневский, *Словарь древнерусского языка*: Репринтное издание, т. 1–3, Москва: Книга, 1989; СРЯ – Степан Григорьевич Бархударов (ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, сяс. 1, Москва: Наука, 1975; СДЯ – Рубен Иванович Аванесов (ред.), *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. 1, Москва: Русский язык, 1988; СРНГ – Федот Петрович Филин (ред.), *Словарь русских народных говоров*, сяс. 1, Ленинград: Наука, 1965.

б) могут быть признаны не лексическими, а лишь семантическими заимствованиями: **выборныи** (СРЯ, вып. 3, с. 181; ср.: СРНГ, вып. 5, с. 248), **постава** (СДЯ, т. 7, с. 285), **тварь** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 930–932);

в) представляют собой не бегемизмы, а полонизмы раннего времени: **коруна** (СДЯ, т. 4, с. 270; первая фиксация 1388 г.).

Язык перевода определен Ю. Верхоланцевой как руськомовное наддиалектное койне (с. 100). Однако это определение не исключает возможности наличия в нем некоторых региональных особенностей. Такие действительно имеются и однозначно связывают перевод с территорией современной Белоруссии. Некоторые из них отмечены автором монографии, но без соответствующих выводов: отвердение дрожащего плавного (с. 101); аканье, а также вокализация слабого *ъ* → *ы* после дрожащего плавного в позиции между согласными (с. 103); использование наречия **дохъль** (с. 109).

Хотя Ю. Верхоланцева отмечает, что в языке исследуемого текста почти нет церковнославянизмов, они все же присутствуют в достаточном количестве, чтобы констатировать знакомство переводчика либо позднейшего переписчика с церковнославянской письменностью: это использование лексемы **дщерь** (с. 100, 108); написание **ѣ** в окончаниях Род. и Вин. п. (по аналогии с Дат. п.) личных местоимений в ед. ч. (с. 104); правописание типа **моа** без графического обозначения интервокального [j] (напр.: Песн 2.10, с. 158). При этом сохранившийся список действительно не обнаруживает попыток церковнославянизировать руськомовный перевод.

Книга о Таудале-рыцаре (с. 110–117). В этой части исследования замечены следующие недочеты: постулируемая мена **-вѣд-/-вед-** не сопровождается ни единственным примером второго из двух указанных видов (с. 110); позиционно не обусловленная односторонняя замена **ы** на **и** интерпретирована как отвердение дрожащего сонанта (с. 110–111); приведен непоказательный пример аканья – написание в слове **манастирь**, имеющем подобный

облик даже в некоторых языках, не знающих этого фонетического явления (с. 111); церковнославянская форма *превосхода* ошибочно названа имперфектом (с. 112).

Вопреки утверждению о нехарактерности для восточнославянских языков некоторых предложных конструкций либо того или иного их употребления (с. 113, прим. 58), многие из приводимых примеров имеют прямые аналогии в древнерусской письменности раннего времени: предлог *до* с Род. п. для указания на место, куда направлено движение (СДЯ, т. 2, с. 473, значение 2); предлог *по* с Мест. п. в значении 'после' (СДЯ, т. 6, с. 445, значение 3); предлог *предъ* с Вин. п. в значении 'к' (СРЯ, вып. 18, с. 172, значение 1.1); предлог *про* с Вин. п. в значении 'ради, за; из-за' (СДЯ, т. 8, с. 673–674, значения 2 и 3).

Несколько из отмеченных Ю. Верхованцевой синтаксических черт перевода, интерпретированных как непосредственные заимствования из чешского оригинала (подчинительные и сочинительные союзы), в действительности:

а) представляют собой в русской мове исконные (праславянские) явления, расширившие свое употребление под западнославянским влиянием, например, соединительный союз *а*, ср.: *ведѣте мѧ къ князю вашему а къ братоу моему и гнѡу* (Сказание о Борисе и Глебе, XII в.); *пшлани сѹть на мѣсть злымъ. а на похвалу добрымъ* (Мерило праведное, XIV в.)²⁰;

б) имеют прямые параллели в оригинальных русскомоновных текстах и, таким образом, вряд ли связаны с процессом перевода, ср.: *но нецеи глаголють, иже бы тот Фома дал князю Скиригаилу зелье травное пити* (Супрасльская летопись 1446 г. по списку 1519 г., л. 103)²¹; *и поставил того болвана именем матки своей Поляты вышней озера Жосли, которыи же образ фалили и за бога*

²⁰ Оба контекста приведены в издании: Рубен Иванович Аванесов (ред.), *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. 1, р. 69.

²¹ *Полное собрание русских летописей*, т. 35, р. 65.

мѣли тую Поюту (Летопись Археологического общества, л. 44 об.–45)²².

Некоторые из указанных лексических богемизмов перевода (с. 114–116) в действительности таковыми не являются, поскольку:

а) имеют прямые аналогии в языке древнерусской письменности раннего периода либо распространены в русских диалектах, не подвергавшихся западнославянскому влиянию: **гроза** (СДЯ, т. 2, с. 392–393); **гоудьць** (СДЯ, т. 2, с. 404); **папежь** (СДЯ, т. 6, с. 349); **словоуцьныи** (см. диалектное распространение лексемы: СРНГ, вып. 38, с. 296); **повѣдати** (СДЯ, т. 6, с. 477–478); **слоути** (Срезневский, т. 3, ч. 1, стб. 433–434); **приправити** (СДЯ, т. 8, с. 550); **оутворити** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1305); **вельми** (СДЯ, т. 1, с. 389–390); **пакъ** (СДЯ, т. 6, с. 344, значение II.1);

б) могут быть признаны не лексическими, а лишь семантическими заимствованиями: **законьникъ** (СДЯ, т. 3, с. 319–320); **рокъ** (СРЯ, вып. 22, с. 209–210); **прѣмоши** (СРЯ, вып. 18, с. 283–284); **привитати** (СДЯ, т. 8, с. 374); **воленыи, волити** (СДЯ, т. 1, с. 467–468); **досѣ** (см. диалектное распространение: СРНГ, вып. 8, с. 152);

в) представляют собой не богемизмы, а полонизмы раннего времени: **оуразъ** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1253).

Сказание о Сивилле-пророчице (с. 118–127). Привожу свои замечания к этой части исследования. Форма **ѡщицовати** не отражает цокания (с. 119), поскольку связана с руськомовным *оцистити/оцестити* ‘очистить и т.д.’²³ и далее с церковнославянским **оцѣстити** ‘то же’ (СДЯ, т. 6, с. 323–324), имеющим кирилло-мефодиевское происхождение²⁴. При наличии в тексте явных церковнославянизмов (с. 120–121) однозначная интерпретация неполногласных форм и употребления звательного падежа как

²² *Ibid.*, p. 91.

²³ Аляксандр Мікалаевіч Булька (рэд.), *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, сяс. 23, Мінск: Беларуская навука, 2003, p. 348.

²⁴ См.: Josef Kurz (ed.), *Slovník jazyka staroslověnského*, t. 2, Praha: Academia, 1973, p. 633–634.

богемизмов (с. 120, 127) выглядит ненадежно; то же относится к оценке формы **вѣмь** (с. 121). Все три конструкции будущего времени – **имѣти** и **быти** с инфинитивом и **быти** с причастием на -ль, признанные богемизмами (с. 121–122), в действительности существовали в древнерусском языке²⁵, так что в лучшем случае можно говорить лишь об изменении их значения и грамматикализации под западнославянским воздействием. Повелительное **повѣ*** – не богемизм, а закономерная древнерусская форма (от **повѣдѣти**)²⁶, которая не является, вопреки мнению Ю. Верхоланцевой (с. 122), альтернативой императивной форме **повѣдади**, принадлежащей системе иного глагола – **повѣдати**. Для текстов XV века сходное местоположение возвратной частицы *z в чешском языке и русской мове едва ли может однозначно считаться межъязыковым заимствованием без дополнительной аргументации.

Некоторые из отмеченных Ю. Верхоланцевой предлогов и союзов (с. 123–124), интерпретированных как богемизмы, в действительности:

а) присутствуют в древнерусской письменности, в том числе раннего времени: **о** с Вин. п. в значении ‘из-за, по поводу’ (СДЯ, т. 5, с. 462, значение I.4); **презь** ‘через’ (СРЯ, вып. 18, с. 231); **абы** ‘чтобы’ (СДЯ, т. 1, с. 71);

б) могут являться всего лишь семантическими заимствованиями: **вѣле** с Род. п. (см. диалектное распространение: СРНГ, вып. 4, с. 339).

Некоторые из указанных лексических богемизмов перевода (с. 124–127) в действительности таковыми не являются, поскольку:

²⁵ Клавдия Васильевна Горшкова, Георгий Александрович Хабургаев, *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Высшая школа, 1981, р. 293–299.

²⁶ Лев Петрович Якубинский, *История древнерусского языка*, Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953, р. 228; ср.: Андре Вайан, *Руководство по старославянскому языку*, Москва: Издательство иностранной литературы, 1952, р. 347.

а) имеют прямые аналогии в языке древнерусской письменности раннего периода: **зълодѣи** (СДЯ, т. 3, с. 415–416); **клобоукъ** (СДЯ, т. 4, с. 220–221); **краса** (СДЯ, т. 4, с. 284–285); **лоупежь** (СРЯ, вып. 8, с. 307); **потреба** (СДЯ, т. 7, с. 348–349); **прикладъ** (СДЯ, т. 8, с. 450–451); **рѣчь** (Срезневский, т. 3, ч. 1, стб. 223–225, особенно значение ‘вопрос, дело’); **сварь** (Срезневский, т. 3, ч. 1, стб. 265–266); **оудоль** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1153–1154); **часъ** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1479–1482); **гыноути** (СДЯ, т. 2, с. 413); **погыноути** (СДЯ, т. 6, с. 507); **народити сѧ** (СДЯ, т. 5, с. 183); **обратити сѧ** (СДЯ, т. 5, с. 529–531); **прѣстѧти** (Срезневский, т. 2, ч. 2, стб. 1695–1196); **пригодити сѧ** (СДЯ, т. 8, с. 394–395); **оуканоути** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1177); **здѣ** (СРЯ, вып. 5, с. 362); **инѣде** (СДЯ, т. 4, с. 162); **понеже** (СДЯ, т. 7, с. 167–169); **ѣгда** (СДЯ, т. 3, с. 179–180); **обаче** (СДЯ, т. 5, с. 469–471); **вѣще** (СДЯ, т. 2, с. 312–313);

б) могут быть признаны не лексическими, а лишь семантическими заимствованиями: **вада** (см. диалектное распространение: СРНГ, вып. 4, с. 10); **мѣсто** (СДЯ, т. 5, с. 107–110); **потворъ** (СДЯ, т. 7, с. 339); **(и)звѣдати** (СДЯ, т. 3, с. 481); **завити** (СРЯ, вып. 5, с. 134); **омедлѧти** (СРЯ, вып. 12, с. 364); **поукати сѧ** (см. диалектное распространение: СРНГ, вып. 33, с. 119); **съпасти** (Срезневский, т. 3, ч. 1, стб. 788); **або** (СДЯ, т. 1, с. 71); **ажь** (наряду с **ажѣ** зафиксировано в новгородских берестяных грамотах)²⁷;

в) исконны в русской мове, но обладают вторичными западнославянскими фонетико-морфологическими признаками (ср. с. 126–127): **зрада** вместо **израда** (СРЯ, вып. 6, с. 201); **моць** вместо **мочь** (СДЯ, т. 5, с. 28); **оуставѧние** вместо **оуставление** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1275–1276);

²⁷ См.: Валентин Лаврентьевич Янин, Андрей Анатольевич Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.)*, Москва: Наука, 1986, р. 266; *Ibid.*, т. 10: Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва: Русские словари, 2000, р. 71; *Ibid.*, т. 11, Москва: Русские словари, 2004, р. 149.

г) представляют собой не богемизмы, а полонизмы раннего времени: **пани** (СДЯ, т. 6, с. 348; первая фиксация – 1350 г.); **отъповѣдѣти** (СДЯ, т. 6, с. 267; первая фиксация – 1350 г.); **хувати са** (Срезневский, т. 3, ч. 2, стб. 1377; первая фиксация – 1388 г.); **лани** (Срезневский, т. 1, ч. 1, стб. 23; первая фиксация – 1387 г.).

Седьмая глава *Анатомия руськой мовы: языковая эволюция и письменный контакт* (Anatomy of Ruthenian: Linguistic Shift and Literacy Contact, с. 128–147) предлагает теоретическое осмысление собранного в монографии фактического материала.

После обсуждения вопроса о стилистической дифференциации руськой мовы, при которой могли использоваться польские и церковнославянские языковые средства, следует описание механизма возникновения письменной руськой мовы, который, по мысли автора, состоял из двух взаимосвязанных процессов: 1) языкового контакта носителей восточнославянских диалектов с разговорным польским языком, в результате чего происходила полонизирующая интерференция, языковое смешение и выработка нового койне; 2) письменный контакт (literacy contact), способствовавший влиянию польского и церковнославянского языков на формирующуюся письменную руську мову (с. 137).

Дальнейшие рассуждения, сопровождаемые иллюстративными лингвистическими примерами и обобщениями (с. 144–147), развивают и детализируют лишь первый из двух указанных выше процессов. При этом допущены некоторые неточности: так, здесь приводится написание **лавьчкка** вместо ожидаемого **лавъчкка** (с. 145), выделяется несуществующий суффикс **-чь-** (там же); лексема **свѣтлость** (а не ее конкретное значение) объявляется западнославянским заимствованием (с. 145), хотя она известна древнерусской письменности раннего периода (СРЯ, вып. 23, с. 145–146); неверно утверждается, что руськомовное **краль** обозначало 'Lord', но не 'king' (с. 145)²⁸.

²⁸ См.: Аляксандр Мікалаевіч Булыка (рэд.), *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, с. 16, Мінск: Беларуская навука, 1997, р. 88 (ср.: р. 21, 168–169).

Заключение (Final Remarks, с. 148–152) обобщает обе – культурно-историческую и лингвистическую – части проведенного исследования. Хотя ни в одном из четырех русскоязычных переводов с чешского, специально рассмотренных Ю. Верхоланцевой, не обнаружены следы глаголического оригинала, тем не менее автор уверенно приписывает краковским католикам-глаголяшам создание одного из четырех русскоязычных текстов, рассмотренных в первой части, – Песни песней, видимо, на том основании, что та же рукопись содержит кириллический текст католической мессы, в котором следы глаголического оригинала присутствуют. В целом русская мова видится автору как литературное койне, в котором восточнославянские (белорусские и украинские) диалекты представляют субстрат, а западнославянский компонент – суперстрат.

Исследованные в монографии переводы обнаруживают разнородное приспособление к православной аудитории. Переход этих текстов из католической традиции в православную, оцененный Ю. Верхоланцевой как знак межконфессиональной толерантности, сопровождался значительным сдвигом в их восприятии. Так, например, указывается, что в западноевропейской традиции такие произведения, как *Visio Tundali* и *Sibylla Tiburtina*, часто переписывались в составе исторических компиляций, анналов либо сопровождали хроники и исторические сочинения, тогда как их русскоязычные переводы превращались в религиозно-богословские тексты и поучительные повествования, утрачивая свою политическую и историческую подоплеку (с. 149–150). При этом большое внимание уделяется наличию в непосредственном текстовом конвое русскоязычной и церковнославянской версий *Visio Tundali* краткого поучительного пересказа содержания гомилии св. Августина, но игнорируется тот факт, что русскоязычные версии *Visio Tundali* и *Sibylla Tiburtina* содержались в кириллическом сборнике, значительную часть которого занимали именно исторические сочинения и хроники: Александрия, Летописец Великого княжества

Литовского и Жемойтского, Хроники о великих князьях литовских (с. 53–54). В такой ситуации постулируемое Ю. Верхоланцевой изменение рецепции руськомовных переводов по сравнению с их чешскими оригиналами кажется несколько преувеличенным.

В приложениях (с. 154–190) публикуются: а) руськомовная версия Песни песней параллельно с чешской версией по Падержовской Библии (1432–1435) с различиями по иным спискам; б) выдержки из руськомовной *Книги о Таудале-рыцаре* параллельно с соответствующими фрагментами церковнославянской *Повести полезной, сказанной Фаудалом-воином*; здесь же перепечатывается текст латинского оригинала и церковнославянская версия сопровождающей августиновской статьи *О трех взаконениях*; в) руськомовная версия *Сказания о Сивилле-пророчице*.

Поскольку все тексты Приложений, за исключением *Повести полезной...*, издавались ранее, их включение в рецензируемую монографию должно объясняться спецификой настоящей публикации. Она заключается в следующем: а) здесь исправлены некоторые ошибки и неточности предыдущих публикаций, в том числе выявленные за счет проведенного Ю. Верхоланцевой сплошного сопоставления руськомовных переводов с их чешскими оригиналами (в *Сказании о Сивилле* таким же образом частично восстановлены утраченные в рукописи фрагменты); б) руськомовные версии публикуются параллельно с чешским оригиналом либо со вторичным церковнославянским переводом, что, безусловно, удобно для исследователей; в) публикация текстов сопровождается текстологическими комментариями.

При всех своих достоинствах, осуществленная в монографии публикация также не свободна от недочетов. Так, издание *Песни песней*, в целом гораздо более качественное по сравнению с более ранней публикацией А.А. Алексева²⁹, содержит (наряду с единичными неточностями в передаче отдельных букв и в словоделении)

²⁹ Анатолий Алексеевич Алексеев, *op. cit.*, p. 166–173.

ошибочное написание **пѣу** вместо **пѣѹ** (в рубрике перед Песн 7.10), приписанное Ю. Верхоланцевой средневековому переписчику (с. 43, 168, прим. 21), но отсутствующее в публикации А.А. Алексеева, где читается **тоу(т)**. Текст *Книги о Таудале-рыцаре*, воспроизводимый по старому изданию А. Брюкнера с несколькими дополнительными исправлениями, в отдельных местах содержит новые ошибки: вместо **а пистцѡ** стоит **и пистцѡ** (с. 174, строка 13); вместо **моуцитъ** – **моушишь** (с. 176, строка 60); вместо **свѣтлостъ** – **всѣтлостъ** (с. 176, строка 66). Кроме того, Ю. Верхоланцевой не воспроизведены небольшие фрагменты глав 4, 5, 6, 11, опубликованные А. Брюкнером отдельно от основного текста – в описании рукописи³⁰. *Сказание о Сивилле-пророчице* воспроизведено Ю. Верхоланцевой по старому изданию Е.Ф. Карского с исправлениями по чешским источникам, но с несколькими новыми ошибками: вместо **принѣлъ** написано **приидѣлъ** (с. 183, строка 18); вместо **црѣ** – **црѣ** (с. 183, строка 26; с. 184, строка 67); вместо **мѣѣ** – **мѣѣ** (с. 184, строка 50; см. примечание Е.Ф. Карского на с. 31 его издания); вместо **набоекъ** – **набоекъ** (с. 185, строка 94); вместо **присѣга™** – **присѣга™** (с. 186, строка 144); вместо **ѡм'длею** – **ѡм'длею** (с. 188, строка 199; но на с. 126 та же форма пишется верно). Кроме того, в рецензируемой монографии не воспроизведена одна строка № 19, пропущенная в публикации Е.Ф. Карского, но отмеченная в исправлениях, опубликованных на с. 31 его издания. В церковнославянской *Повести полезной...*, частично опубликованной Ю. Верхоланцевой впервые, очевидны ошибки словоделения: **бесъ вѣскѣ** (с. 175, строка 5) вместо **бесъвѣскѣ**; **пѣи паны** (с. 175, строка 14) вместо **пѣипаны**.

Библиография рецензируемой монографии насчитывает почти 300 позиций, но иногда данные библиографии и основного текста расходятся (см., например, указание *Wexler 1991* на с. 10,

³⁰ Новейшая публикация текста учитывает эти фрагменты, см.: Алесь (Аляксандр) Уладзіміравіч Бразгунов, *Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан...: Перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст.*, Мінск: Беларуская навука, 2009, р. 673–675.

прим. 40 и *Wexler 1971* в библиографии); издание завершается специализированными указателями (использованных источников; предметный; имен; местных названий).

В авторском тексте Ю. Верхоланцевой изредка встречаются недочеты: на месте ожидаемого *ě* выступает *e* (например, *The coalescence of *e and *i*, с. 91); неверно указано значение польск. *utworzyciel* 'made, created' (с. 115); слово **с'прав'не** ошибочно попало в разряд существительных (с. 125); литовское имя *Gediminas* пишется как *Gedyminas* (с. 3, 213), а местное название *Krèva* – как *Kriavas* (с. 3); встречаются опечатки в чешских цитатах и в английском основном тексте, см.: чеш. *natození* вместо *narození* (с. 77); англ. *Stdent* вместо *Student* (с. 73). Изредка попадаются ошибки в передаче цифр (например, номеров библейских стихов или строк публикуемых текстов), а также в словоделении (при цитировании и публикации кириллических текстов).

Оценивая проделанную Ю. Верхоланцевой работу, приходится констатировать, что в ней автор проявил себя скорее историком, чем языковедом: историко-культурная часть исследования выполнена почти безукоризненно, тогда как лингвистические главы вызывают некоторые замечания. В авторской оценке языковое влияние чешских оригиналов на руськомовные переводы сильно преувеличено: видимо, исследователь в основном полагался не столько на соответствующие словари и исторические грамматики, сколько на свое практическое владение чешским и современным русским языком (который, разумеется, сильно отличается русьской мовы). В данной работе мы не найдем определения того, что именно в руськомовном тексте следует считать богемизмом и какими способами его можно выявить, не обсуждаются критерии установления заимствования при контактировании генетически родственных языков, не упоминается явление семантического заимствования³¹. Вместо

³¹ Из последних славистических работ на эту тему см.: Людмила Павловна Гарбуль, *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*, Вильнюс: Издание Вильнюсского университета, 2009.

всего этого автор ограничивается общими, недетализованными утверждениями: „Several of the linguistic features discussed here as West Slavic are also found in some East Slavic dialects. However, their appearance in the Ruthenian *Tale of Sivilla* is of West Slavic provenance“ (с. 120, прим. 63).

В языковедческой части монографии не чувствуется стремления к строгости суждений, даже наоборот: высказано мнение о том, что языковое заимствование в узком смысле термина малопригодно при обсуждении процесса формирования русской мовы (с. 137, прим. 28); автор сознательно отказывается взаимно различать руськомовные полонизмы и богемизмы, аргументируя свою позицию сильным влиянием (в XV–XVI веках) чешского языка на руську мову как непосредственно, так и посредством польского языка (с. 128, прим. 2; с. 151).

Общая оценка рецензируемой монографии должна быть, безусловно, положительной: Ю. Верхоланцева систематизировала и обобщила сведения о переводах чешских оригиналов на руську мову, во многом уточнив бытовавшие ранее представления по этому вопросу (особенно касающиеся идентификации чешских оригиналов и датировки их руськомовных переводов); выполнила общелингвистическое описание и новую (в целом улучшенную) публикацию нескольких относящихся к данной теме текстов; четко описала историко-культурную ситуацию возникновения подобных переводов, уделив особое внимание деятельности чешско-польских католиков-глаголяшей; предложила общелингвистическую модель возникновения русской мовы. Рецензируемая книга, несомненно, привлечет внимание специалистов и будет способствовать дальнейшему научному изучению руськомовных переводов, выполненных с чешских оригиналов. Она может быть рекомендована студентам и начинающим исследователям в качестве общего введения в проблематику. Монография достойна повторного, исправленного издания.